

Виктория Вишневская

**МАЛЫШКА
ДЛЯ БОЛЬШОГО БОССА.
ЛЮБОВЬ НЕ ПРОДАЁТСЯ**

УДК 82-3
ББК 84-4
В55

Вишневская В.
В55 Малышка для большого босса. Любовь не продаётся / Виктория Вишневская – М.: Литнет, 2025. – 338 с.

ISBN 978-5-521-94147-6

– Ма-ма-а-а-а. Поворачиваю голову в сторону, разыскивая источник громкого звука. Напротив моей машины, в сугробе, плюхнувшись на коленки, сидит малышка в розовом комбинезоне и шапке с двумя помпонами. Варезки на верёвке тащатся по снегу, пока она пытается встать. Подлетаю к ней, помогаю подняться чисто инстинктивно. Сердце сжимается как под прессом, не выдерживая и лопаюсь. Даже у меня, взрослого мужика. Где мамашка? Хватаю девочку на руку, прижимая к себе. – Ма-ма, – говорит уже слабее, не крича, видимо, вымотавшись. Растерянно смотрит на меня, тянется к воздуху маленькими ладошками. – Упала. – Пропала? – спрашиваю скорее себя, чем её. Плохо дело. – И что мне с тобой делать?

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-94147-6

© Литнет, 2025
© В. Вишневская, 2025

Глава 1

– Мама-а-а.

Наступаю в слякоть, матерясь от неудачного места парковки. Хлопок двери Астона Мартина глушит очередной детский крик.

Ставлю железного коня на сигналку, тороплюсь.

Запахнув край чёрного пальто и обогнув автомобиль, резко оста-навливаюсь на тротуаре, так и не достигнув банка. Душераздира-ющий вой разносится на всю округу.

– Мама-а-а.

Я не сразу обратил внимания на отчаянный плач. Хотел пройти мимо. Думал, что капризный ребёнок просто истерит, выпрашивая у родителей очередную игрушку. Но теперь не похоже.

Поворачиваю голову в сторону, разыскивая источник громко-го звука.

И напротив моей машины, среди сероватого от грязи снега заме-чаю цветной комочек. В сугробе, плюхнувшись на коленки, сидит малышка в розовом комбинезоне и шапке с двумя помпонами. Вареж-ки на верёвке тащатся по снегу, пока она пытается встать.

Подлетаю к ней, помогаю подняться чисто инстинктивно. Серд-це сжимается как под прессом, не выдерживая и лопаюсь.

Ни одна сука не остановилась. Но это не удивляет. И не вызы-вает вопросов. Совсем другой крутится в голове.

Где мамашка?

Хватаю девочку на руку, усаживая на локоть и прижимая к себе. Мимолётно дотрагиваюсь до ледяных ладошек. На улице дубак, поэтому неудивительно, что они такие холодные. Твою мать, сколь-ко ребёнок здесь гуляет?

Поправляю съехавшую с головки вязаную шапочку на верёвке. Лицо крохи красное от истерики, в глазах слёзы, реснички покры-ты лёгким инеем.

– Ма-ма, – говорит уже слабее, не крича, видимо, вымотавшись. Растерянно смотрит на меня, тянется к воздуху маленькими ладошками. – Упала.

– Пропала? – спрашиваю скорее себя, чем её.

Хреново дело.

Поднимаю запястье, кошусь на ролекс, чтобы узнать время. У меня его мало – через пятнадцать минут важная встреча. И в мои планы не входило спасение малышки и поиски её непутёвой матери.

Но и кинуть не могу.

Совсем кроха. На вид ей года два. Одета чисто, опрятно, хотя вещи абсолютно не по размеру и явно не новые. Комбинезон и шапка большие. Вторая постоянно сползает, и я снова поправляю её, замечая чёрные волосики. Обращаю внимание на точно такие же тёмные бездонные глаза.

Вот же татарчонок...

– И что мне с тобой делать? – осматриваюсь, пока ребёнок немногo успокаивается в моих тёплых объятиях и согревается.

Клянусь, я готов убить эту сраную пигалицу, потерявшую собственное дитя. Как так можно? Родить, а потом кинуть на произвол судьбы.

Твою мать.

Надеюсь, девочку не подбросили, чтобы таким способом найти ей новых родителей?

– Тише, – успокаиваю её, поглаживая по спинке, и совершенно не знаю, что делать. – Не бойся. Отнесу тебя в машину, погреемся. А потом пойдём искать твою горе-дуру-мать.

Последние слова буквально выплёвываю.

– Варя! – обеспокоенный, надрывный оклик заставляет меня машинально повернуть голову вбок.

По тротуару, вдоль магазинов и банка, бежит девушка, на возглас которой реагирует малышка у меня на руках. Узнала её...

Вот и непутёвая, безответственная мамка нашлась. Поскаль-

зывается, чуть не падает. Выпрямляется и мчится с новой силой, врезаясь в человека.

Изучаю её. На мать не тянет. Выглядит молодо, совсем ещё девчонка. Студентка?

Значит, сестра.

Подбегает к нам, сама плачет. Глаза огромные, напуганные. Выхватывает у меня ребёнка, крепко прижимает к себе, прикрывает глаза, и ласково нашёптывает всякие нежности.

– Малышка, боже мой, я тебя обыскала. Ты наверняка испугалась... Прости, мама больше так не будет.

Целует её в лобик.

Но меня это не смягчает. Сжимаю ладони в кулаки и стараюсь сдержаться, чтобы не обложить бестолковую девчонку матом. Сделал бы это. Но рядом дитя.

– Ты в своём уме? – рывкаю, всё-таки не рассчитав силу голоса. Эмоции бурлят. Я бы уже все волосы на башке выдрал, если бы мой ребёнок потерялся.

Если бы он был...

Ненавижу я таких мамашек. Которые бездумно рожают в восемнадцать, а потом им становится насрать настолько, что не могут уследить за детьми. Извиняются, плачут. После того, как уже всё случилось.

Если бы я не оказался поблизости...

Зелёные глаза врезаются в меня, как острые иглы.

– Не пробовала следить за дочерью? На улице мороз, минус двадцать и снег идёт.

Если приглядеться – видок у неё хреновый. Будто не спала несколько дней.

– Это не ваше дело, – вдруг дерзко выпаливает вместо благодарности. – Это произошло случайно. Я понимаю, как выглядит со стороны, но оправдываться не собираюсь. Спасибо, что откликнулись и помогли. До свидания.

Бегло проходит по мне холодным взглядом и отворачивается, спешно удаляясь туда, откуда пришла.

Поскальзывается по пути, восстанавливает равновесие и шагает дальше. Из обуви на ногах кроссовки, и даже не зимние. Из-за этого она идёт аккуратно, что-то говорит своей дочери, вцепившейся в мамину, покрытую снегом, тонкую на вид куртку.

Мда... Денег нет?

– Эй, ты, – окликаю её. – Девчонка с ребёнком.

Оборачивается, отчего небрежный короткий хвостик на затылке подпрыгивает.

Замечаю, что волосы у неё светло-русые. Глаза зелёные, но не яркие. Наоборот, ещё чуть-чуть – и потеряют цвет, став серыми или прозрачными. Дочка на неё не похожа, абсолютно.

Лезу в карман пальто, доставая портмоне. Вытаскиваю несколько пятидесятичных купюр, подходя к ним двоим. Малышка уже успокоилась и от нервов засыпает прямо у мамы на руках. Головка покачивается вместе с помпонами, и я с трудом сдерживаю улыбку.

Точнее, она пропадает, как только я снова перевожу взгляд на горе-мать.

Протягиваю ей деньги.

– Купи ей комбинезон по размеру, – киваю на ребёнка. – И шапку. Она в этой одежде тонет.

Степень агрессии в её глазах не измерить. Зашкаливает.

– Этого мало? – интересуюсь, выгнув бровь.

– Идите к чёрту, – выплёвывает грубо. – Мы не нуждаемся.

Смотрю на неё равнодушно, без интереса.

Дура. Когда дело касается детей – надо брать.

– Тогда купи себе обувь. С ней на руках точно упадёшь, если так и...

На секунду поджимает губы. Теряется. Но быстро возвращает самообладание.

– Подотритесь ими, – цедит сквозь зубы и отворачивается, но идёт

уже не медленно, а буквально бежит. – Или на своего ребёнка потратить. Долбанные богачи.

Всего несколько слов – и внутри меня снова закипает. Прямо как в первые секунды, когда увидел малышку в том сугробе.

Бесит, млять, бесит! Почему семьи без достатка, где дети гоняют в старых шмотках и не могут позволить себе даже нормальной обуви зимой, плодятся, как тараканы? А те, кто...

Мысль обрывается. Наступаю самому себе на больную мозоль.

Миниатюрное тельце девчонки останавливается. Она хочет что-то сказать. Но, видимо, передумав, ускоряет шаг. И скрывается в дверях моего банка вместе с ребёнком.

Плевать. Пусть чешет. Это не моё дело. Я всего лишь хотел помочь. И вставить ей мозги.

Убираю портмоне обратно в карман. И направляюсь в главный офис банка, где в моём кабинете давно назначена встреча с будущими партнёрами.

Приближаюсь к двери. Я иду не за той пигалицей. А к себе на работу.

Но снова, только я оказываюсь в помещении, мой взгляд ищет её.

Глава 2

– Капец, как ты ещё не замёрзла, – напарница еле перебирает рукой, пока я живенько мою окна. Чем быстрее закончу – тем быстрее получу свои деньги, схвачу в охапку Варьку, и мы поедem домой. Это душу греет.

Подумаешь, в кроссовках гоняю. Снег выпал неожиданно, а моя зимка с прошлого года пришла в негодность. А новую купить не успела, да и лишних денег пока нет.

– Хотя, ты так пашешь, грех не согреться. Почти всю работу сделала.

Улыбаюсь, смахивая последнюю воду шпательком для мытья окон. Бегаю взглядом по чистому стеклу, чтобы наконец сдать работу и уйти.

– Меня Варька ждёт, – оценив свою работу, довольно отхожу от фасада и собираю моющие принадлежности. Свою задачу я выполнила, Алёнку можно не ждать. Поворачиваюсь к ней, протягиваю ладошку и клянчу свою законную зарплату. – Весь день со мной мотается.

– А чего это? – напарница без вопросов лезет в сумку, протягивая мне несколько тысяч. За помывку окон дают много. Особенно зимой. – Воспитателям уже надоело, что ты забираешь её поздним вечером?

– Ну, не поздним, – недовольно морщусь, ощущая себя снова плохой матерью. Совесть гложет.

Отправляю заработанное в карман куртки.

– Сама знаешь, обстоятельства. Но нет. Там решили ремонт перед новым годом сделать. Обещали за неделю. Вот сегодня доделали, завтра уже отведу. А сегодня выбора не было, пришлось везде с собой таскать.

– Поняла, – кивает Алёнка. – Ну, до завтра. Хотя я б тебя ещё неделю не видела.

Усмехнувшись, накидываю капюшон на голову. Снег за шиворот задрал залетать.

– Инвентарь проверять не будешь? – киваю на ведра, швабры, моющие.

– Иди уже, – гонит меня. – Отдохни сегодня хотя бы немного. А то месяц уже без выходных работаешь, дурная. Скоро окочуришься. Ты себя видела?

– Давай-давай, мамочка.

Помахав ладонью, забегаю в ресторан. Хорошо, что сегодня он не работает, посетителей нет и мы смогли спокойно убраться. А ещё я могла оставить Варю, зная, что моего ребёнка не тронут и она под присмотром.

Работа в зале кипит, девчонки намыывают последние уголки. И я бы осталась, чтобы опзаработать ещё, но не могу.

– Спасибо, Мариш, – благодарю коллегу по клинингу, подбегая к дочери. Моё чудо сидит на стульчике, машет ножками и играет в игрушки, оставленные мной час назад. Какая она у меня умничка... Даже не пикнула. Повезло мне со спокойным ребёнком.

Обнимаю доченьку, целую в височек, отвлекая её от сосредоточенного занятия. При виде меня тут же кидается на шею, обнимает и лезет целоваться.

– Ма! Пыфла!

Радостно смеюсь, прижимая её к себе.

– Пришла, пришла, – повторяю за ней, поглаживая по спинке через толстый свитер. – И мы можем собираться. Сейчас ненадолго забежим в банк, а потом домой, хорошо?

– Дя!

– Не проголодалась ещё? Кушать хочешь?

– Неть! – и головой мотает.

Успокоившись, резко встаю. Картинки на мгновения меркнут, голова кружится, и я машинально хватаюсь за стул.

– Ма?

Распахиваю глаза, слыша обеспокоенный голос малышки. Схватила своей крохотной ладошкой за тёплый вязаный свитер. И смотрит так испуганно, что сердце всё сжимается.

Приподнимаю уголки губ, чтобы не волновалась. Лёгкая усталость сказывается.

– Всё хорошо, – успокаиваю её. – Одеваться будем?

Она задорно кивает. Собираю дочку, складываю игрушки в сумку и накидываю куртку. Эх, и её надо новую покупать... Может, с какой-нибудь другой зарплаты. Этой нужно заплатить за квартплату.

Вроде дома почти не бываем, а накручиваем так, будто я несколько электрических обогревателей подрубаю. Явно соседи что-то крутят, утырки. Надо будет переговорить с ними, попросить все чеки.

Застигаю молнию, беру малышку за ладошку и решаю выйти через чёрный вход. Срежем, так до банка быстрее дойти, да и дорога чище.

Выхожу на улицу, в безлюдный закоулок. Снега, блин, по колёно... Чего не чистят?

– Ма, игрушки! – восклицает моя лапочка. На секунду отпускаю ладошку, и даю себе мысленную оплеуху поправить Варюшке варежки.

– Так я взяла, вроде.

Лезу в сумку, и снова чувствую накатившую слабость. Моргаю, чтобы прогнать дрему. Мы сегодня не выспались, поэтому...

Внезапно ноги подкашиваются. А перед глазами всё плывёт, и затем резко темнеет.

И на секунду, перед тем как отключиться, чувствую холодный сугроб. И слышу пробирающее до души взволнованное:

– Мама?